

11. *Hammond N.G.L.* 1982: Illyris, Epirus and Macedonia // CAH. Vol. 3. Part 3 / J. Boardman, N.G.L. Hammond (eds.). Cambr., 261–285.
12. *Kamerbeek J.C.* 1943: L'Andromaque d'Euripide // Mnemosyne. 11, 47–67.
13. *Kitto H.D.F.* 1961: Greek Tragedy. 3rd ed. L.
14. *Kovacs P.D.* 1980: The Andromache of Euripides: An Interpretation. Chico (CA).
15. *Kovacs P.D.* 1987: The Heroic Muse. Baltimore.
16. *Lee K.H.* 1975: Euripides' Andromache: Observations on Form and Meaning // Antichthon. 9, 4–16.
17. *Lucas D.W.* 1959: The Greek Tragic Poets. 2nd ed. L.
18. *Mastrorarde D.* 1979: Contact and Discontinuity. Some Conventions of Speech and Action on the Greek Tragic Stage. Berkeley.
19. *Nikolsky B.* 2014 (forthcoming): Human Misery and Forgiveness: Meaning and Structure in Euripides' Hippolytus. Swansea.
20. *Osborne M.J.* 1983: Naturalization in Athens. Vols. 3–4. Brussels.
21. *Rivier A.* 1975: Essai sur le tragique d'Euripide. 2ème éd. P.
22. *Robertson D.S.* 1923: Euripides and Tharyps // CR. 37, 58–60.
23. *Stevens P.T.* 1971 (ed.): Euripides' Andromache. Oxf.
24. *Storey I.C.* 1989: Domestic Disharmony in Euripides' Andromache // Greece and Rome. 36, 16–27.

POLITICAL SENSE AND POETICAL STRUCTURE OF EURIPIDES' *ANDROMACHE*

B. M. Nikolsky

The paper contests a traditional view of Euripides' *Andromache* as of a tragedy without inner unity. Its unity is to be seen in parallelism and contrasts of its episodes developing several constant themes, the most important of them being enmity and marriage. The meaning and the place of these themes in the dramatic structure becomes more apparent if one assumes that their sense was rather symbolic than direct and reflected the contemporary political events. Production of *Andromache* could have been connected with the peace treaty between Athens and the Molossians in the early 20s of the 5th century BC.

Keywords: Tragedy, structure, motif, enmity, marriage, barbarians, Peloponnesian war, Athens, Sparta, Molossians.

© 2014 г.

Т. В. Кудрявцева

МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ЗАКОНАХ XII ТАБЛИЦ

В статье исследуются два закона XII таблиц – так называемые антимагические законы VIII таблицы. Оспаривается точка зрения некоторых исследователей о том, что в утраченной части закона о сведении посевов с помощью заклинаний присутствовало понятие венена (*venenum*). Разбирается судебное дело Хресима (Plin. NH. XVIII. 41–43).

Кудрявцева Татьяна Владимировна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена.

Исследуется вопрос об использовании понятия *malum carmen* Плинием и Цицероном (закон о «злой песне»); выражается согласие с высказанным рядом ученых мнением: изначально глагол *oscentare* имел магический смысл, а Цицерон (или его источник) неправильно понял цитату из древнего закона. Тем не менее в широком смысле «злая песня» (как и проклятие) могла подразумевать нанесение вреда не только магического – из чего впоследствии и развилось понимание данного закона XII таблиц как закона о поношении (клевете).

Ключевые слова: законы XII таблиц, магия, заклинания, зелье (*venenum*), «злая песня» (*malum carmen*), *oscentare*.

Если греческий закон либо вовсе игнорировал магические практики, либо интерес к ним носил случайный (спорадический) характер, и как таковой «профильной статьи» вообще не было, а обвинения в занятии магией могли являться составной частью обвинения в нечестии (*асебии*), римский закон, начиная от первого кодекса – законов XII таблиц – и вплоть до Поздней империи, не оставлял без внимания занятия магией¹. Всеобъемлющий антимагический закон, цитируемый в «Сентенциях» Павла², и прочие схожие законодательные акты эпохи Империи³ имеют своим истоком определенные законы XII таблиц, которые мы намерены рассмотреть в данной работе.

Рассуждая о содержании древнейшего римского кодекса, следует иметь в виду некоторые обстоятельства. В современных изданиях текст законов восстанавливается по цитатам и ссылкам античных авторов, живших в лучшем случае во II–I вв. до н.э., в основном – в более поздние эпохи. С середины V в. до н.э., когда были изготовлены таблицы, латынь сильно изменилась (это касается и орфографии, и грамматики, и лексики). Поэтому римлянам эпохи Поздней республики далеко не все могло быть понятно в древнем тексте; кроме того, с этим текстом они знакомились в переработанном, так сказать, адаптированном виде. Предполагается⁴, что для Цицерона и его современников таким источником был текст, подготовленный одним из первых римских юрисконсультов Секстом Элием Петом Катом (консул 198 г. до н.э.) в виде части его *Tripartita*; эта книга содержала основы права: истолкование процессуальных норм, комментарии к XII таблицам, *legis actiones* (D. 1. 2. 2. 38 (Pomp.)). Судя по всему, уже Элию Пету не были понятны значения отдельных слов и терминов в кодексе XII таблиц, и он вынужден был высказывать свои догадки. По крайней мере однажды Цицерон «поправляет» Пета, отличая его

¹ Разумеется, само понятие «магия» в эпоху составления законов XII таблиц еще не употреблялось; соответствующие слова (*magus, magia, μαγεία*) встречаются у римских авторов с I в. до н.э. (впервые – у Цицерона и Катутла), а концептуально данное понятие в римском общественном сознании укоренилось уже в эпоху Юлиев–Клавдиев (подробнее см. Graf 2001, 36–60). Составители первого римского кодекса в так называемых «антимагических» статьях подразумевали некие противозаконные, тайные и вредоносные (по отношению к личности и имуществу, конкретно – урожаю) ритуальные действия – те, что позднее описывались и воспринимались как магические.

² *Paul. Sent. V. 23. 15: Qui sacra impia nocturnave, ut quem obcantarent defigerent obligarent, fecerint faciendave curaverint, aut cruci suffiguntur aut bestiis obiciuntur.*

³ См., например: CTh. IX. 16. De maleficis et mathematicis et ceteris similibus. Подробнее см. Mommsen 1899, 640–643.

⁴ Rives 2002, 272; там же (nt. 10) ссылки на литературу.

интерпретацию от подлинного содержания законов⁵. Оратор сетует: «мы в детстве заучивали законы Двенадцати Таблиц как обязательную песнь (*carmen necessarium*); ныне никто не заучивает их» (*Leg. II. 59*). По утверждению Цицерона, в его время учение о праве (*iuris disciplina*) большинство (*plerique*) черпает из преторского эдикта, вытеснившего законы XII таблиц (*Leg. I. 17*). В правовой и судебной практике римляне, очевидно, предпочитали обращаться к трудам юрисконсультов, а не заученным в детстве и не всегда понятным цитатам. Уже ко времени Цицерона децемвиральный кодекс стал объектом скорее антикварного интереса; к нему обращались, когда надо было высветить какую-нибудь черту предков, сослаться на *mores maiorum*, отыскать в прошлом аргумент и т.п. – поэтому и ссылки на законы XII таблиц у поздних авторов такие короткие.

Учитывая вышесказанное, перейдем теперь к разбору антимагических норм. Большинство издателей и комментаторов помещают их на VIII таблицу. В цитатах из этой таблицы у разных римских авторов упоминаются заклинания, направленные на сведение или завораживание урожая (*segetem pellicere; fruges excantare*), а также некая «злая песнь» (*malum carmen*). Наиболее информативен, пожалуй, Плиний Старший. Задавая вопрос, обладают ли силой слова и заклинания (*polleantne aliquid verba et incantamenta carminum*), он замечает: «И что? Разве не говорится в самих законах XII таблиц: “тот, кто выпевает [прогоняет чарами] плоды”, а в другом месте – “кто злую песню распевает [ворожит]”»⁶.

Плиний, закончивший «Естественную историю» около 77 г. н.э., приводит цитаты из кодекса по достаточно надежному источнику – он ссылается на автора I в. до н.э. М. Веррия Флакка (*NH. XXVIII. 18*), в свою очередь, опиравшегося на более ранние сочинения. На это указывают архаические формы обоих глаголов, почти не употреблявшиеся в классической латыни⁷. Глагол *excantare* – редкий; по подсчетам Дж. Ривза, до IV в. н.э. он встречается всего 12 раз; все эти примеры (как и поздние) указывают на такое значение глагола, как «изгонять, удалять что-либо с помощью песни/заклинания»⁸. Соответственно то действие, которое каралось законом XII таблиц (первая часть цитаты Плиния), – это сведение, изгнание, изъятие [чужого] урожая с помощью заклинаний (*carmina*).

Этот же закон, по-видимому, вспоминает Сенека в «Исследованиях о природе». Философ, насмехаясь над легковерием тех, кто с помощью неких обрядов или магических действий хочет влиять на погоду, замечает: «В Клеонах призывали к ответу тех, кому было поручено надзирать заранее за бурей, если из-за их небре-

⁵ *Cic. Leg. II. 59*: «Другие предписания Двенадцати Таблиц, ограничивающие расходы на погребение и оплакивание умершего, в общем перенесены в них из законов Солона... И вот, ограничив расходы изготовлением трех головных покрывал и пурпурной туники и платой десятирем флейтистам, закон упраздняет неумеренное оплакивание: “Во время похорон женщины не должны ни царапать себе щек, ни испускать воплей [*lessus*]”. Древние истолкователи Секст Элий и Луций Ацилий говорили, что они не вполне понимают это место, но предполагают, что “лесс” – особая одежда для похорон; Луций Элий же думает, что это – какое-то горестное рыдание, как показывает само слово. Такое объяснение кажется мне более правильным потому, что закон Солона именно это и запрещает» (пер. В.О. Горенштейна).

⁶ *Plin. NH. XXVIII. 17–18*: *quid? non et legum ipsarum in duodecim tabulis verba sunt: “qui fruges excantassit,” et alibi: “qui malum carmen incantassit”.*

⁷ *excantassit* и *incantassit* (на самом деле, эмендации рукописных *excantasset* и *incantasset*) – синкопированные формы *plusquamperfecti coniunctivi*.

⁸ Rives 2002, 273–274 – цитаты из авторов и их анализ.

жения град побил виноградники или посе́вы пали. И у нас в XII таблицах предусматривалось, чтобы никто не завораживал [букв. выпевал. – *Т.К.*] чужих плодов (et apud nos in XII tabulis cavetur ne quis alienos fructus excantassit). Невежественная древность верила в то, что заклинаниями можно привлечь и оттолкнуть дождь; то, что ничего из этого не может произойти, – настолько очевидно, что ради этого не стоит посещать философскую школу» (Quaest. Nat. IV. 7). Очевидно, что Сенека помещает «антимагический» закон XII таблиц в совершенно посторонний контекст: ведь речь в древнем законе шла вовсе не о контроле над погодой и соответствующих заклинаниях или магических действиях, а о манипуляциях с урожаем при помощи магии.

Эту же статью римского кодекса упоминает Апулей, писатель и философ, знакомый с магией не понаслышке. Он женился на состоятельной вдове Пудентилле, матери своего приятеля: произошло это внезапно, по дороге из родной Мадавры в Александрию, когда философ задержался по болезни в городе Эе; дама была много старше и славилась привередливостью – долгое время она отказывала всем женихам. Родственники вдовушки, полагая, что причиной скандального брака были любовные чары, привлекли Апулея к суду по обвинению в занятиях магией; процесс состоялся в 158 г. н.э. в Сабрате (провинция Африка)⁹. Защищаясь, Апулей насмехается над своим противником, потребовавшим вызвать в суд для допроса 15 рабов, – магия ведь занятие тайное и недозволенное, поэтому истец должен признать: либо в действиях ответчика не было ничего противозаконного, чему было множество свидетелей, либо это тайное чародейство, но тогда не должно было быть такого количества соучастников (Apol. 47. 1–2). В этом месте своей «Апологии» Апулей и вспоминает, когда и почему были криминализованы занятия магией: «Эта самая магия, насколько мне известно, – занятие, порученное бдительности законов и уже издавна запрещенное XII таблицами из-за ее таинственной власти над урожаем» (47. 3; пер. С.П. Маркиша); если перевести буквально – «из-за невероятного приманивания плодов» (propter incredundas frugum illecebras), т.е. из-за того, что магия невероятным образом притягивает плоды.

О сведении (переносе) урожая как об одной из магических практик пишет в 8-й эклоге Вергилий: возлюбленная Дафниса (песнь от ее имени представляет один из участников поэтического состязания пастухов), чтобы вернуть любимого, собирается воспользоваться травами и зельями колдуна Мёриса:

Трав вот этих набор и на Понте найденные яды
Мерис мне передал сам – их много родится на Понте.
Видела я, и не раз, как в волка от них превращался
Мерис и в лес уходил; нередко души умерших
Он из могил вызывал и сводил урожай к соседу
(atque satas alio vidi traducere messis).
Дафниса вы приведите домой, приведите, заклатья!

Verg. Ecl. VIII. 95–100; пер. С.В. Шервинского

Комментатор Вергилия Сервий (IV в.) поясняет выражение *traducere messis* («переносить урожай»): «Делалось это с помощью магического искусства (*magicis quibusdam artibus hoc faciebat*), поэтому и в XII таблицах [читаем]: “не притягивать чарами чужой посев” (*unde est in XII tabulis: Neve alienam segetem pelleheris*)» (Serv. Ecl. VIII. 99).

⁹ Или в 155 г.: Kippenberg 1997, 143.

Та же строка эклоги Вергилия, что комментирует Сервий, привлекла внимание Аврелия Августина. Прочитав ее в сочинении «О граде Божьем», Августин, рассуждая о безбожности магического искусства, замечает: «Разве Цицерон не сообщает нам, что в законах XII таблиц, этих древнейших римских законах, было записано: смертная казнь была установлена для того, кто сделал такое?»¹⁰

Итак, мы имеем два варианта изложения, вероятно, одного и того же закона или дополняющие друг друга части данного закона – в передаче Плиния и Вергилия/Сервия. Речь и в первом, и во втором случае идет о магическом действии (сведении, переманивании), причиняющем урон чужому урожаю, но рассказывают об этом авторы, используя разные глаголы и прямые дополнения: Плиний и Сенека – «завораживать плоды» (*fruges excantare*), Сервий – «заманивать, притягивать чарами посев» (*segetem pellicere* – пояснение к «*traducere messis*»). *Fruges* («плоды») в сочетании с существительным *illicebrae* («приманивание», «завлечение») фигурируют и у Апулея, но изложение текста закона явно более вольное, описательное; автор фактически соединил *fruges* «Плиния» и *pellicere* «Сервия», учитывая, что существительное *illicebrae* происходит от глагола *illicere* («заманивать, сманивать»), однокоренного с *pellicere*.

Разница между двумя пунктами закона о магических манипуляциях с урожаем, по мнению немецкого комментатора законов XII таблиц М. Фойгта, аналогична различию между магической порчей (*Verderben*) чужого урожая (имущества)¹¹ и уводом, сманиванием с помощью чар (*Herüberzaubern*) созревших посевов¹²: *excantare* – «зачаровать урожай» в смысле повредить ему, уничтожить, а *pellicere* – «приманить», забрать себе. На юридическом языке: первое – *damnum iniuria datum* (противоправное нанесение ущерба), второе – *furtum* (кража)¹³. Поясняя данный нюанс, специалист в области римского права и издатель *Fontes Iuris Romani Antiqui* К.Г. Брунс замечал: «*excantare est damnum dare* (нанести вред), *pellicere lucrum facere* (извлечь выгоду)»¹⁴.

Принимая во внимание, что *fruges* чаще означает «плоды», а не зерновые, можно предложить следующую интерпретацию: в одной части закона речь шла о садах/огородах, а в другой (которую перелагает Сервий) – об урожае именно зерновых¹⁵, поэтому и у Вергилия встречается *messis* (жатва).

Предлагалось и такое решение проблемы двух частей «антимаргического» закона VIII таблицы: два его пункта («по Плинию» и «по Сервию») имели в виду разные способы манипуляции с чужим посевом – в одном случае речь шла о *carmina*, т.е. неких заклинаниях, а в другом – о *venena*, т.е. зельях¹⁶. По мнению американского

¹⁰ *Aug. De civ. Dei. VIII. 19: Nonne in duodecim tabulis, id est Romanorum antiquissimis legibus, Cicero commemorat esse conscriptum et ei qui hoc fecerit supplicium constitutum?*

¹¹ Voigt 1883, 804. В качестве примера упоминаний о такой порче урожая (замедление роста) с помощью чар немецкий исследователь приводит ряд ссылок: *frugis prohibet pergrandescere* (*L. Att. Meleag. [Non. 115, 10 s. v. grandire]*); *carmine laesa Ceres sterilem vanescit in herbam* (*Ovid. Amor. III. 7. 31*).

¹² Voigt 1883, 804. Несколько примеров (помимо цитируемых Вергилия и Сервия): *Et magicas artes posse iuvare putat... Non seges ex aliis alios transibit in agros* (*Ovid. Rem. amor. 250; 255*); *Cantus vicinis fruges traducit ab agris* (*Tib. I. 8. 19*); *cantibus... glandem messesque transire* (*Mart. Capel. IX. 928*).

¹³ Fraenkel 1925, 187.

¹⁴ Bruns 1909, 31, adn. 8.

¹⁵ Не углубляясь в сюжет и первоисточники, это замечает Gordon 1999, 253.

¹⁶ Beckmann 1923, 52–55; Fraenkel 1925, 187; Lewis, Crawford 1996, 683.

исследователя Дж. Ривза, автора последней обстоятельной статьи о магии в законах XII таблиц, суть как раз в этом, а не в сомнительной разнице между нанесением вреда и кражей; скорее всего в обоих случаях имелся в виду перенос урожая¹⁷. Однако если заклинание еще можно извлечь из глагола «*excantare*», то с *venenum* все не так просто. Слово это в XII таблицах действительно встречалось, ибо есть комментарий Гая по поводу *venenum*, сохранившийся в Дигестах Юстиниана¹⁸, но к какой именно статье и таблице кодекса он относится, неясно. Разумеется, можно предположить, что Гай комментировал закон о чародейских манипуляциях с посевами, но с таким же успехом слово «*venenum*» могло присутствовать и в других законах, в том числе уголовного характера¹⁹. Ссылались и на то, что в отрывке из экологии Вергилия, комментируемой Сервием, говорится о травах и зельях, с помощью которых и приманивается чужой урожай (*has herbas atque haec... venena* – *Ecl. VIII. 95*)²⁰. Нам этот аргумент кажется слабым, ибо здесь вероятнее типичный перенос смысла: Вергилий создавал образ колдуна, зная о громких процессах по обвинениям в отравлениях, включая и те, в которых прослеживалась магическая подоплека, поэтому его чародей использует именно данный вид магических практик; однако в законах XII таблиц, скорее всего, речь шла не о зелье, а о наведении чар с помощью заклинания. Зловещий образ колдуна, а чаще – колдуньи, изготавливающих отраву, в римском сознании сформировался позже, под влиянием процесса матрон-отравительниц в 331 г. до н.э. и особенно серии массовых процессов *veneni crimen* в 180-х годах до н.э. и сопровождавшей их истерии²¹. Горациева ведьма Канидия, варящая жуткие зелья в компании своих отвратительных подруг, – закономерный итог рефлексии на эту тему (*Hor. Ep. V; Sat. I. 8; II. 1; 8*). Поэтому Мёрис, изготовитель волшебных декоктов всякого рода, персонаж совсем другой эпохи, а не той, в которую создавались законы XII таблиц.

Естественно, обсуждая закон о сведении урожая, нельзя пройти мимо дела Хресима (или Кресима) – единственного известного нам судебного процесса, в котором заявители/обвинители апеллировали к данному закону и говорили как раз о *veneficia*. Процесс Хресима требует к себе особого внимания: он дает нам уникальный пример, как на практике выглядело обвинение в магической манипуляции с чужим урожаем, позволяет уточнить, что понималось под «переманиванием» урожая.

Об этом интереснейшем судебном разбирательстве рассказывает Плиний Старший (NH. XVIII. 41–43): вольноотпущенник Гай Фурий Хресим стал объектом зависти богатых соседей, ибо со своего небольшого участка он получал более щедрый урожай, чем те со своих обширных владений; они обвинили его в том, что

¹⁷ Rives 2002, 275, 279.

¹⁸ О том, как меняется значение понятия *venenum* («лекарство» или «вредоносное зелье») в зависимости от присоединяемого к нему прилагательного «хорошее» (*bonum*) или «плохое» (*malum*), см. D. 50. 16. 236 pr. (*Gai. 4 ad XII tab.*): Qui “*venenum*” dicit, adicere debet, utrum malum an bonum: nam et medicamenta venena sunt, quia eo nomine omne continentur, quod adhibitum naturam eius, cui adhibitum esset, mutat. Cum id quod nos *venenum* appellamus, Graeci φάρμακον dicunt, apud illos quoque tam medicamenta quam quae nocent, hoc nomine continentur: unde adiectione alterius nomine distinctio fit.

¹⁹ Справедливости ради надо сказать, что в этом случае следовало бы ожидать ссылки на данную статью в связи с последующими процессами об отравлениях (*veneni crimen*), чего мы не встречаем в источниках.

²⁰ См., например: Rives 2002, 275.

²¹ Подробнее см. Кудрявцева 2012, 282–287.

он с помощью чародейства сводит их урожай (*fruges alienas perliceret veneficiis*). Опасаясь за исход голосования триб, в назначенный курульным эдилом Спурием Альбином день Фурий явился на суд со своими орудиями труда и работниками (рабами, очевидно) – здоровыми, в хорошем физическом состоянии и добротной одежде; он принес также первоклассные орудия труда – увесистые мотыги и плуги с массивными лемехами, привел отъевшихся быков – и заявил: «Мое чародейство, квириты – вот оно; я не могу вам показать или на форум привести также мою работу допоздна, бдения и пот (*veneficia mea, Quirites, haec sunt, nec possum vobis ostendere aut in forum adducere lucubrationes meas vigiliasque et sudores*)». После такой блестящей защитительной речи и презентации ответчик был единогласно оправдан (*omnium sententiis absolutus*). Источник Плиния здесь, на который он сам ссылается, – Л. Кальпурний Пизон Фруги²², составивший свои «Анналы» примерно в 110-е годы до н.э. Точная дата суда неизвестна; обычная датировка – от 190-х годов до середины II в. до н.э.²³

Какие именно магические практики якобы применял Хресим (т.е. как он мог сводить урожай, по мнению завистников), из текста с точностью не следует. Дж. Ривз высказывает предположение, что это как раз зелья (*venena*), понимая *veneficia* буквально²⁴. (Напомним, что понятие «*venenum*» обозначало «снадобье» вообще, которое могло оказаться как лекарством, так и ядом или магическим зельем; точный смысл зачастую определялся добавлением определения *bonum/malum*. Производное от *venenum* – *veneficium*, имея основное значение «приготовление снадобья», одновременно обозначало чародейство любого вида, не обязательно связанное с зельями.) Однако судя по поведению обвиняемого на суде и по тем предметам, одушевленным и неодушевленным, которые фермер привлек для наглядности своей защиты, допущение американского исследователя не выглядит обоснованным²⁵: скорее обвинители намекали на некие заклинания или ритуальные действия, долженствующие каким-то образом повлиять на урожайность участка Хресима, повисить ее за счет соседей, перетянув, сманив на свою сторону плодovitость земли.

Если говорить о наказании по законам XII таблиц, которого удалось избежать работающему вольноотпущеннику, то в приведенной выше (см. прим. 10) цитате Августина (со ссылкой на Цицерона) в качестве такового фигурирует *supplicium*. Обычно этим словом обозначается смертная казнь. Но процесс Хресима происходил под председательством курульного эдила в трибунных комициях²⁶, тогда как процессы, грозившие смертным приговором, имели место в *comitia centuriata*. Не исключено, что когда-то эдилы председательствовали и в судах по тяжким преступлениям, но все же приговоры практически по всем известным нам с III в. до н.э. делам, которые они рассматривали, – это штрафы, но не смертная казнь²⁷. Однако, по рассказу Ливия, рабыня, донесшая на матрон-отравительниц (громкий

²² *L. Piso. Fr. 33* (HRR. P. 135).

²³ Bauman 1974, 257, nt. 78; Graf 2001, 62; Gordon 1999, 253. Предлагаемая датировка первым десятилетием II в. до н.э. связана с тем, что Спурия Альбина, упомянутого у Плиния, идентифицируют с консулом 186 г. и претором 189 г. Спурием Постумием Альбином.

²⁴ Rives 2002, 276.

²⁵ До нас определенные сомнения относительно точки зрения Дж. Ривза выражал Д. Коллинз (Collins 2008, 145).

²⁶ *ab Spurio Albino curuli aedile die dicta metuens damnationem, cum in suffragium tribus porteret ire* (*Plin. NH. XVIII. 42*).

²⁷ Mommsen 1899, 157; Bauman 1974, 252–264 (примеры процессов).

процесс 331 г. до н.э.), обратилась именно к курульному эдилу Кв. Фабию Максиму (Liv. VIII. 18. 4). По мнению Р. Баумана, этот же эдил мог председательствовать в созданной по данному случаю чрезвычайной сенатской комиссии (*quaestio extraordinaria*), результаты работы которой сулили матронам смертную казнь, так что процесс Хресима может быть еще одним примером правомочности эдилов разбирать преступление, наказуемое смертной казнью²⁸. Таким образом, сделать однозначный вывод о том, грозила ли обвиненному в чародействе фермеру в случае осуждения смерть или менее тяжкое наказание, невозможно.

Чего было больше в законе о сведении урожая, по которому судили Хресима, – стремления покарать посягнувшего на чужую собственность или пресечь недозволенное колдовство? Ныне почти *communis opinio* – указывать на то, что данный закон карал не за магию, а за нарушение права собственности: порчу или даже похищение чужого имущества (посева, плодов) с помощью ворожбы²⁹. Согласимся с тем, что защиту собственности от ущерба закон тоже имел в виду, но все же он был направлен, в том числе или даже в первую очередь, против колдовского воздействия на урожай – поэтому в кодексе и появилась данная особая статья о магическом ущербе. Ведь резонно возникает вопрос: почему в законах XII таблиц специально оговорено нанесение ущерба чужому урожаю с помощью чародейства, а не простое воровство? Можно объяснить это затруднение проблемой сохранности текста: в кодексе мог быть соответствующий закон о воровстве урожая, помимо процитированного Плинием (NH. XVIII. 12) закона о потраве и сжатии урожая в ночное время (I. XII tab. VIII. 9), – но он не дошел до нас³⁰. А можно сослаться и на то, что законы XII таблиц – далеко не всеобъемлющие; они не содержали *всех* римских законов и *все*возможных правовых случаев, касаясь зачастую тех моментов, которые требовали особого внимания. Если бы кто-то просто собрал чужой урожай и присвоил его себе, то такие действия могли подпадать под общие статьи VIII таблицы о краже – в них, что именно украдено, не конкретизировалось (VIII. 12–16)³¹. Другое дело – магические практики. Соседи ведь обвиняли Хресима не в том, что он украл их урожай, а в том, что он каким-то образом повлиял на урожайность наделов, так что со своего маленького участка этот выскочка (он ведь вольноотпущенник, т.е. вчерашний раб) собирал больше, чем они со своих больших, унаследованных от почтенных предков.

Случай с Хресимом – единственный, засвидетельствованный в наших источниках, поэтому нам остается только гадать, как часто зависть к соседу вкупе с агрикультурным невежеством вызывали соблазн объяснить чужое благополучие и собственное прозябание колдовскими чарами, после чего следовали призывы к вмешательству власти и закона. Небольшие земельные наделы не могли дать гарантии не только процветанию, но нередко и самому существованию крестьянской семьи, определяли ее полную зависимость от количества собранного урожая. На урожайность же влияли не только усердие и число работников, обеспеченность их орудиями труда, но и не контролируемые человеком обстоятельства: капризы по-

²⁸ Bauman 1974, 256, nt. 78. О деле матрон-отравительниц см. Кудрявцева 2012, 282–285.

²⁹ См., например: Beckmann 1923, 23; Fraenkel 1925, 187; Kippenberg 1997, 144, 146; Graf 2001, 42; Collins 2008, 144.

³⁰ Дж. Ривз, признавая возможным это допущение, справедливо отмечает, что отсутствие каких-либо ссылок или даже намеков на подобную статью у римских авторов все же делает его маловероятным: Rives 2002, 277, nt. 44.

³¹ Rives 2002, 278.

годы, везение, дурной глаз. Очевидно, что совокупность этих психологических и экономических обстоятельств и привела к появлению в древнем римском кодексе закона о магических манипуляциях с урожаем.

Статьи о «выпевании плодов» и приваживании урожая (Plin. NH. XXVIII. 18) – не единственные законы XII таблиц о чародействе; в той же цитате Плиний упоминает еще одно место из древнего кодекса: «кто злую песню распевает (qui malum carmen incantassit)...» Контекст не оставляет места для двусмысленности: речь идет именно о магическом действии, причем автор подчеркивает, что это другой закон – он был в другом месте (alibi – ibid.). Однако Плиний, кажется, единственный из римских авторов, кто увязал malum carmen из XII таблиц с ворожбой. Прочие толковали «злую песнь» иначе – как carmen famosum: речь будто бы шла о наказании за личное оскорбление в форме поношения (infamia), брани (flagitium) или клеветы (calumnia).

Вероятно, самое важное свидетельство – Цицерона: его реплику из утраченной IV книги трактата De re publica передает Августин, уверяя, что делает это почти по тексту (De civ. Dei. II. 9). Один из героев цицероновского диалога, Сципион Эмилиан, рассуждая о поношениях в адрес видных лиц, которые позволяли себе греческие комедиографы, замечает: «Напротив, наши Двенадцать таблиц, назначив смертную казнь лишь за очень немногие преступления, признали нужным назначить ее также и в том случае, если кто-нибудь станет распевать или сложит песню, поносящую и позорящую другого человека (si quis occentavisset sive carmen condidisset, quod infamiam faceret flagitiumve alteri). Превосходно; ибо наша жизнь должна подлежать суду магистратов и рассмотрению по закону, а не суду поэтов, и мы должны выслушивать хулу только при условии, что нам позволят отвечать и защищаться в суде» (Cic. Rep. IV. 12; пер. В.О. Горенштейна). В «Тускуланских беседах» Цицерон ссылается на этот же закон, вспоминая обычай предков – петь песни на пирах: «О том же, что песни были уже в ходу, свидетельствуют и XII таблиц: закон предусматривает, чтобы эти песни пелись никому не в обиду (quod ne liceret fieri ad alterius iniuriam lege sanxerunt)» (Tusc. IV. 4; пер. М.Л. Гаспарова).

Упоминает об этом законе и Гораций в «Сатирах» (Sat. II. 1. 82–83): «Если некто сочинит о ком-то дурную песню, он повинен суду и ответу (si mala condiderit in quem quis carmina, ius est iudiciumque)». Он возвращается к нему в «Посланиях»: описав древнюю вольность, неконтролируемую ярость и брань, поэт славит кодификацию, пришедшую на смену анархии:

...но издан закон наконец был (quin etiam lex):
Карой грозя, запрещал он кого-либо высмеять в злобной
Песне, – и все уже тон изменили, испуганы казнью,
(poenaque lata, malo quae nollet carmine quemquam
describi: vertere modum, formidine fustis)
Добрые стали слова говорить и приятные только.

Epist. II. 1. 152–155; пер. Н.С. Гинцбурга

Порфирион, комментируя этот пассаж Горация, отмечает, что для автора позорящих песен была установлена смертная казнь в виде забивания палками (дубинками)³². Впрочем, нет никаких свидетельств и очень мало вероятности,

³² Porph. in Horat. Epist. II. 1. 154: fustuarium supplicium constitutum erat in auctorem carminum infamium. По замечанию К. Фарра, забивание дубинками было более почетной казнью, чем порка до смерти, как для рабов (Pharr 1932, 278).

что за оскорбительные вирши кого-нибудь когда-нибудь действительно казнили³³.

Та же версия о *malum carmen* как о клеветнической, позорящей песне встречается у поздних авторов, которые могли опираться (и, очевидно, опирались) в своем истолковании этого закона на мнение Цицерона и Горация: в «Сентенциях» Павла³⁴, у Арнобия (около 300 г.)³⁵ и схолиаста Персия³⁶.

То, что Плиний в высказывании «*qui malum carmen incantassit*» цитирует законы XII таблиц, практически никем не оспаривается, как и первая половина цитаты из трактата Цицерона «О государстве» у Августина: «*si quis occentavisset sive carmen condidisset*». Но вот вторая часть фразы из «*De re publica*» (*quod infamiam faceret flagitiumve alteri*) и похожая цитата из «Тускуланских бесед» (*ne liceret fieri ad alterius iniuriam lege sanxerunt*), по мнению некоторых исследователей, может быть полностью или частично поздней интерпретацией – к примеру, дополнением или разъяснением Цицерона, – а не частью оригинального закона³⁷. Скептиков смущала и невероятная суровость наказания за нанесение морального ущерба в виде поношения, брани и клеветы – смертная казнь (тогда как за телесные повреждения предусматривался штраф), и то, что столь продвинутое понимание ценности личной чести и достоинства содержалось в архаическом кодексе³⁸. Правда, Т. Моммзен объяснял появление такой «продвинутой» статьи следующим образом: словесное оскорбление рассматривалось не как преступление против личности, но как угроза общественному порядку и, соответственно, попадало в сферу публичного права и каралось государством³⁹. Но немецкий историк ссылается на эдикты императорского времени, наказывающие за поношение, однако статью о «злой песне» надо все же оценивать в контексте содержания древнего кодек-

³³ Lewis, Crawford 1996, 679. Как отмечал Т. Фрэнк, за весь период Республики известны только два иска по обвинению в словесном оскорблении, и в обоих случаях обвиняемый был мим, несомненно, раб (Auct. ad Her. II. 19; I. 24). Особый случай – обвинение поэта Невия за оскорбительную насмешку над Метеллом (поэт был заключен под стражу и отправлен в изгнание) – американский ученый объясняет психологическим напряжением последних лет Пунической войны и интригами группировки Сципиона (Frank 1927, 108–110).

³⁴ Paul. Sent. V. 4. 6: *Iniuriarum actio aut lege aut more aut mixto iure introducta est. Lege duodecim tabularum de famosis carminibus, membris ruptis et ossibus fractis.*

³⁵ Arnob. Adv. nat. IV. 34: *Carmen malum conscribere, quo fama alterius coinquinetur et vita, decemviralibus scitis evadere noluitis inpune, ac ne vestras aures convicio aliquis petulantiore pulsaret, de atrocibus formulas constituistis iniuriis.*

³⁶ Cornut. Ad Pers. Sat. I. 123(137): *Lege duodecim tabularum cautum est ut fustibus feriretur qui publice invehebatur.* (Схолии ошибочно приписывались современнику и издателю Персия Павлу Корнуту, но теперь считается, что они были созданы гораздо позднее, чуть ли не при Каролингах.)

³⁷ Сомнения в текстуальной целостности/достоверности данного пассажа восходят еще к Ж. Скалигеру. Подробнее см., например: Beckmann 1923, 61–64; Hendrickson 1925, 307–308; Biscotti 1992, 35–37.

³⁸ Развернутое обоснование см. Huvelin 1903, 18–23. Наиболее страстен в своем возмущении Т. Фрэнк: “It is difficult to see how any recent historian who has read deeply into Roman institutions can believe that libel or slander was included among capital offenses in the early code, especially as the code allowed settlements on the basis of talion for corporal injuries” (1927, 109).

³⁹ Mommsen 1899, 794–795, 800. Э. Френкель, солидаризируясь с Т. Моммзеном, особенно подчеркивает публичность оскорбления, могущего повлечь за собою общественную смерть пострадавшего (1925, 198).

са, сравнивая с другими его статьями, – особенно теми, которые предусматривают смертную казнь. А это очень серьезные преступления: умышленный поджог (I. XII tab. VIII. 10); судейское мздоимство (IX. 3); измена (кто подстрекает врага или кто предает врагу римского гражданина – IX. 5); тяжкие преступления, отягощенные религиозным компонентом: потрава или сбор урожая в ночное время (виновный обрекался Церере – VIII. 10), лжесвидетельство (VIII. 23). Для сравнения: в Поздней республике в соответствии с преторским эдиктом *convisium* (поношение, ругань) классифицировалось как *iniuria*, противоправное действие⁴⁰. Если приводить греческие параллели: Солону приписывался закон о наказании за брань (какὼς λέγειν) в публичных местах, но наказание предусматривалось в виде штрафа⁴¹. Возражение А. Момильяно относительно большей примитивности и, следовательно, жестокости римского общества в сравнении с греческим⁴², а также объяснение итальянским ученым наличия смертной казни в качестве наказания за словесное оскорбление контекстом борьбы патрициев и плебеев и желанием патрициев уберечься таким образом от критики в их адрес⁴³ не кажутся убедительными. Как и остроумные, но труднодоказуемые доводы Э. Френкеля, объяснявшего суровость наказания тем, что невидимый глазу вред от хулительной песни мог быть чувствительнее телесного повреждения, тем более что италики (как древние, так и современные) – народ, особо искусный в злобном насмехательстве (*Italum acetum*)⁴⁴.

Обращает на себя внимание и необычная форма клеветы/поношения – ее/его надо распевать. Можно, конечно, рассуждать о том, что таким образом усиливался оскорбительный или позорящий эффект, но, по нашему мнению, указание на особую форму исполнения текста – важный довод в пользу того, что имелось в виду именно заклинание. Музыкальная составляющая (пение), прамузыкальные формы, т.е. особое интонирование, отличное от обыденной речи: завывание, бормотание нараспев приглушенным голосом, шепот и т.п. – как раз призваны были создать или усилить эффект магического заклинания и широко применялись в римской магии (и не только!); не случайно *carmen* обозначало и *песню*, и *чары*⁴⁵.

Наконец, аргументом в пользу магического подтекста закона о «злой песне» стало рассмотрение П. Ювеленом и Р. Машке всех «доцицероновских» случаев употребления глагола *oscentare*, образованного от *cantare* с помощью приставки *ob-* (исходный смысл – «петь перед, распевать»). Уточняя его коннотацию, исследователи пришли к выводу, что она близка к глаголам с магическим значением (*incantare*, *excantare*) и включала обозначение вредоносной магии. Этот глагол очевидным образом древний, из архаической латыни и очень редкий. Не считая цитаты из Цицерона у Августина, он трижды встречается у Плавта (*Curc.* 145; *Merc.* 408; *Pers.* 569 – в сочетании с *ostium* или *fores*), а потом появляется только

⁴⁰ Lewis, Crawford 1996, 679.

⁴¹ *Plut.* Sol. 21: ζῶντα δὲ κακῶς λέγειν ἐκόλυσε πρὸς ἱεροῖς καὶ δικαστηρίοις καὶ ἀρχαίοις καὶ θεωρίας οὔσης ἀγῶνων: ἢ τρεῖς δραχμὰς τῷ ἰδιώτῃ, δύο δ' ἄλλας ἀποτίνειν εἰς τὸ δημόσιον ἔταξε.

⁴² Со ссылкой на жестокие обычаи тевтонов и англо-саксов, вырывавших за злословие язык: Momigliano 1942, 121–122.

⁴³ Momigliano 1942, 122.

⁴⁴ Fraenkel 1925, 198.

⁴⁵ См. Huvelin 1903, 37; Luck 1999, 99. Подробное рассмотрение вопроса о музыкальном исполнении заклинания: Burris 1931, 177–194 (Ch.6. Incantation and prayer).

у Феста (Р. 181 L)⁴⁶. У Плавта этот глагол и производные от него используются для обозначения действия, направленного на преодоление с помощью чар препятствия, барьера в виде запертой двери и т.п., соответствуя греческому глаголу ἐπ'ᾶδεν⁴⁷.

Дж.Л. Хендриксон, правда, пытался оспорить такое понимание *occentare* именно на примере отрывков из Плавта⁴⁸. Соглашаясь в общем с тем, что этот глагол представляет собою параллельную форму к *incantare*, американский филолог считал, что *occentare ostium* не имеет отношения к греч. ἐπ'ᾶδεν: дверь в пассажах из Плавта не зачаровывалась, а перед или рядом с нею производился шум, в том числе пение серенад влюбленными, порой впадающими в буйство и затевающими потасовки; соответственно этот глагол ближе к греческому κομᾶζειν⁴⁹. Но если в «Купце» контекст действительно не позволяет однозначно усмотреть в *occentare ostium* (Merc. 408) магический подтекст, то две другие цитаты из Плавта скорее опровергают точку зрения американского исследователя.

Вот в «Персе» раб Токсил страшает сводника Дордала, собирающегося купить прекрасную рабыню; в русском переводе этот отрывок звучит так:

Ну, так станут петь у дома ночью, выжгут двери. Ты
(At enim illi noctu occentabunt ostium, exurent fores:)
Вход железными дверями запирашь вельи тогда.
Замени свой дом железным и железом весь порог
Прикажи обить, засовы, петли вставь железные –
Не жалей никак железа...

Plaut. Pers. 569–573; пер. А.В. Артюшкова

Судя по тому, как Токсил шутовски советует своднику укреплять дом от возможных назойливых ухажеров, просто пением любовных песен или гвалтом последние не ограничились бы: в ряду таких действий, как поджог или взлом железных затворов, уместнее и логичнее понять «*occentabunt ostium*» как «будут чарами взламывать дверь».

Еще более очевиден магический смысл глагола *occentare* в стихах из «Куркулиона». Главный герой юноша Федром стоит перед дверью возлюбленной и спрашивает: «что если к дверям подойду и спою? (*quid si adeam ad fores atque occentem*)» (Circ. 145) – и поет, обращаясь к засовам, с целью воздействовать на них, добиться их расположения, причем речитатив влюбленного звучит как типичное заклятие (*devotio*):

⁴⁶ Первым на это обратил внимание Gigch 1852, 68–74. Подробный анализ всех случаев употребления глагола см. Huvelin 1901, 15–37; 1903, 39–51; Maschke 1903, 12–17. В последующих работах он фактически повторялся, с некоторыми вариациями. См., например: Rives 2002, 280, 283–284; Biscotti 2012, 405–411.

⁴⁷ Huvelin 1903, 39, 42; Maschke 1903, 16.

⁴⁸ До американского исследователя это уже делал Э. Френкель, правда, без столь подробного анализа и с иной аргументацией: он особенно подчеркивал то, что герои у Плавта взывают к дверям публично, а не тайно, тогда как магические заклинания требуют сокровенности (Fraenkel 1925, 198). Как нам кажется, немецкий филолог чересчур серьезно подошел к действиям *комических* персонажей и недооценил нетерпеливость и безрассудство влюбленного.

⁴⁹ Hendrickson 1925, 292–304; особ. 294–295, 304. Тем не менее автор замечает, что в пении перед дверью есть не только любовное томление, но и что-то от «примитивной дверной магии (*door-magic*)».

Эй, замки, вам, замки, мой привет от души!
Вас люблю, вас хочу, вас зову, вас молю!
Вы краса всех замков, в час любви к вам мольба:
Вместо вас, вместо всех пусть шуты пляшут здесь,
Спрыгну вниз, я молю, дайте ей выйти вон:
Той, что кровь пьет мою, бедный я, страсти раб!⁵⁰

Пер. Ф.А. Петровского и С.В. Шервинского

Очевидно, что *occentare* (*occentem*) здесь – не просто «петь», а «заклясть», «зачаровать», в смысле «воздействовать чарами на запоры».

Хронологически следующий случай употребления глагола *occentare* – у С. Помпея Феста (напомню, что слова Цицерона, содержащие тот же глагол, передает Августин). Сам грамматик жил скорее всего в конце II в., но он сделал извлечения из труда М. Веррия Флакка *De verborum significatu*, словаря времен Августа, и в нем фигурирует совсем другое значение глагола: «древние так называли то, что мы теперь называем “шум [брань] поднимает”, ибо это делается явно и сопровождается неким звуком, так что издалека можно слышать. И это считается позорным, так как полагают, что не бывает беспричинно»⁵¹. Таким образом, Фест толкует *occentare* иначе, чем Плавт. Есть и точка соприкосновения: в том и в другом случае говорится о пении (или некоем его подобии), нацеленном на определенное воздействие: у Плавта оно сродни заклятию, а у Феста – словесному оскорблению.

Приведенные выше цитаты из римских авторов неоднократно обсуждались в идущей уже более века дискуссии. Ее участники, определяя смысл «злой песни», делали и обосновывали свой выбор между магией и поношением/бранью, т.е. условно – между Плинием и Цицероном. Высказанные точки зрения можно сгруппировать по нескольким позициям:

1. Закон о злой песне, о котором говорит Плиний и Цицерон, – это один и тот же закон, наказывающий именно за оскорбление/клевету. Данного мнения придерживались многие правоведы XIX в.⁵², фактически соединяя *malum carmen* Плиния и *carmen condere* Цицерона; в современной науке оно не пользуется поддержкой и, по сути, маргинально.

2. Было два закона о песне: в одном, который цитирует Плиний, речь действительно шла о неких магических действиях, наведении чар, а в другом, который вспоминает Цицерон (*si quis occentavisset sive carmen condidisset*), – о поношении и клевете⁵³.

3. Ссылаясь на Горация, который соединяет *malum carmen* и *condere* (*si mala condiderit in quem quis carmina* – Sat. II. 1. 82), К. Брунс в своем издании привел закон о злой песне как один закон, но состоявший из двух частей: одна (*malum*

⁵⁰ *Plaut. Curc.* 147–152: *Pessuli, heus pessuli, vos saluto lubens, /vos amo, vos volo, vos peto atque obsecro, /gerite amanti mihi morem, amoenissumi, /fite causa mea ludii barbari, /sussilite, obsecro, et mittite istanc foras, /quae mihi misero amanti ebibit sanguinem.*

⁵¹ *Fest. P.* 181 L: “*occentassit*” *antiqui dicebant quod nunc convicium fecerit dicimus, quod id clare et cum quodam canore fit, ut procul exaudiri posit. Quod turpe habetur quia non sine causa fieri putatur.*

⁵² Ссылки на эти работы – в основном малоизвестных ныне авторов – можно найти у Ювелена (*Huvelin* 1903, 19, nt. 2).

⁵³ *Voigt* 1883, 800–803; *Mommsen* 1899, 794; *Fraenkel* 1925, 194–195; *Momigliano* 1942, 121; *Tupet* 1976, 168. Работы XIX в. см. *Huvelin* 1903, 19, nt. 2.

carmen) относилась к чародейству, другая (*carmen famosum*) – к словесному оскорблению⁵⁴.

4. В начале XX в. вышел ряд работ, в которых утверждалось, что в изложении содержания закона XII таблиц о злой песне точнее был Плиний, т.е. мы имеем дело с законом против магии, Цицерон же и Фест (Веррий Флакк) ошибались: дело в том, что они (или их источник) неправильно поняли текст, а именно значение *oscentare*; в силу архаичности и редкости глагола его магический смысл с веками поистерся и был подзабыт⁵⁵. В дальнейшем это толкование получило широкое распространение⁵⁶.

5. В опубликованных в последние десятилетия исследованиях выражалось и такое мнение: Плиний и Цицерон гораздо ближе друг к другу, чем это может показаться; связано это с широким пониманием *malum carmen* и признанием того, что злое слово может оказывать самое разное отрицательное воздействие, сродни магическому. Некоторые замечания на этот счет делал еще Дж.Л. Хендриксон: «Магия не была изначально отдельным компонентом потенциальных возможностей человека. Каждый человек нес ее в себе и использовал так, как диктовал случай или эмоции... Пытаться провести четкую черту между сверхъестественным магическим проклятием и злоупотреблением простой площадной бранью – пытаться сделать невозможное»⁵⁷. Эта мысль была подхвачена и развита в последующих работах⁵⁸. Грань между магией и бранью могла восприниматься в древности как весьма зыбкая: сила злого слова – это такое же воздействие без физического контакта, направленное на причинение вреда, как и зловредная магия. Демонстрируемые ненависть и злоба, злая насмешка могут вызвать болезнь, лишит человека радости жизни, да и самой жизни. Похожим образом действует зависть, материализованная и персонифицированная как «дурной глаз»⁵⁹. Понимание этого, а скорее всего ощущение, не всегда вербально выраженное, отразилось в том, что у разных народов использовалась одна и та же терминология для проклятия и брани (не только «вверять темным силам», «навлекать зло», но и «бранить, сквернословить»), как латинское *maledicere*, русское «проклинать», английское *curse*, немецкое *fluchen*, французское *maudire* и т.п. Таким образом, *malum carmen* – песня, оказывающая дурное воздействие на кого-либо или что-либо, несущая в себе зло.

Подобная интерпретация представляется достаточно убедительной в своей культурно-антропологической составляющей: нам уже доводилось писать о связи между магией и риторикой – и о вере в магическую силу слова, характерную для античных народов, и о том, как магия вторгалась в «пространство» риторики, даже на судебной беме, и магическая власть слова из метафоры становилась реальностью⁶⁰. Однако хотя сторонники вышеизложенной точки зрения не отрицают

⁵⁴ Bruns 1909, 27 (tab. VIII. 1.); 27–28 (комментарий). См. также: Lewis, Crawford 1996, 580, 679.

⁵⁵ Huvelin 1903, 40–41; Maschke 1903, 11–28; Beckmann 1923, 33–58.

⁵⁶ Strachan-Davidson 1912, I, 107, nt.3; Frank 1927, 109; Pharr 1932, 278; Wieacker 1956, 462–467; Biscotti 1992, 21–51; 2012, 403–411.

⁵⁷ Hendrickson 1925, 293. Американский ученый приводит стих из *Carmen Monostichon*, приписываемого блаженному Колумбану: *tantum verba valent, quantum mens sentiat illa* – «слова имеют столько силы, сколько вкладывает в них рассудок».

⁵⁸ Ronconi 1964, 960–963; Versnel 1999, 135; Rives 2002, 285–287; Nowicka 2013, 40–41.

⁵⁹ Versnel 1999, 135–137.

⁶⁰ Кудрявцева 2013, 33–46. Бывали случаи, когда действию магических чар приписывалась внезапная утрата дара речи у участников тяжбы, как во время процесса Фукидидо-политика в Афинах или Титинии в Риме.

магического содержания *malum carmen*, определенное его размывание в общей бранной коннотации прослеживается. Хотелось бы подчеркнуть то, что оскорбительный смысл в выражении «*malum carmen*» все-таки вторичен; в законах XII таблиц оно употреблялось именно для обозначения вредоносного заклятия⁶¹, поэтому столь суровое предполагалось наказание. Но из-за того, что воздействие дурной песни понималось в самом широком смысле, и возникло позднее толкование данного закона как направленного на защиту чести и достоинства. Придумал ли его Цицерон⁶²; позаимствовал ли у Секста Элия Пета или кого-то другого как часть текста XII таблиц или комментарий⁶³; изменил ли чужую цитату, подправив, дополнив ее, исходя из современного ему понимания закона о злой песне (сложившегося, в том числе, под влиянием уже состоявшихся процессов по обвинению в *contumelia*), – дать однозначный ответ на данный вопрос и прийти к достоверному выводу не представляется возможным. К тому же изначальное значение редкого глагола *occentare*, присутствовавшего в оригинальном законе XII таблиц, к концу Республики подзабылось, наполнилось новым смыслом – точнее, в него развился один из оттенков старого. Исходя из этого нового употребления объяснял данное слово Фест. И Плиний, цитируя закон XII таблиц, заменил *occentare* – намеренно или неосознанно – также на достаточно редкий, но все же более понятный его современникам глагол *incantare*⁶⁴; в тексте же древнего кодекса было что-то вроде: *qui malum carmen occentassit <quique> condissit*⁶⁵...

Литература

1. Кудрявцева Т.В. 2012: Магия и процессы по «*veneni crimen*» в афинской и римской судебной практике // Мнемон. 11, 273–290.
2. Кудрявцева Т.В. 2013: «Казус Фукидида»: магия и риторика в античном судебном процессе // Мнемон. 13, 33–46.
3. Bauman R.A. 1974: Criminal Prosecutions by the Aediles // *Latomus*. 33, 245–264.
4. Beckmann F. 1923: Zauberei und Recht in Roms Frühzeit. Ein Beitrag zur Geschichte und Interpretation des Zwölfafelrechtes. Diss. Münster.
5. Biscotti B. 1992: “*Malum carmen incantare*” e “*occentare*” nelle XII Tavole // *Testimonium amicitiae*. Milano, 21–51.
6. Biscotti B. 2012: Il valore giuridico della parola nel teatrromano. Parole magiche e parole vincolanti tra superstizione e sacralità // *Estudios sobre teatro romano: el mundo de los sentimientos y su expression* / R.L. Gregoris (ed.). Zaragoza, 399–422.
7. Bruns C.G. (ed.) 1909: *Fontes Iuris Romani Antiqui*. Tubingae.

⁶¹ О первичности магического смысла см. также Nowicka 2013, 41.

⁶² Как считали, например: Beckmann 1923, 61–63; Biscotti 1992, 35–37.

⁶³ См., например, различные модификации рассуждений о доцицероновом происхождении пассажа: Hendrickson 1925, 308; Rives 2002, 281. Пожалуй, самая увлекательная, но – увы! – построенная на целом ряде недоказуемых допущений реконструкция Т. Фрэнка: распространение «*si quis occentavisset*» на словесное оскорбление произошло в связи с обвинением против поэта Невия, выдвинутым влиятельной группировкой Сципиона; претор тогда в свой эдикт добавил в качестве объяснительной глоссы вторую часть фразы «*sive carmen condidisset*». Через какое-то время это попало в *Commentarii* Элия Пета, которыми и пользовался Цицерон; преторы же после окончания Второй Пунической войны больше не включали данную интерпретацию в свои эдикты (Frank 1927, 110).

⁶⁴ Huvelin 1903, 37; Beckmann 1923, 44–47.

⁶⁵ О том, что для текста древнего закона предпочтительнее написание *occentassit*, см., например: Beckmann 1923, 58; Fraenkel 1925, 193; Hendrickson 1925, 306; Lewis, Crawford 1996, 679 (также *condissit*).

8. *Burris E.E.* 1931: *Taboo, Magic, Spirits: A Study of Primitive Elements in Roman Religion.* N.Y.
9. *Collins D.* 2008: *Magic in the Ancient Greek World.* Malden (MA).
10. *Frank T.* 1927: *Naevius and Free Speech // AJPh.* 48. 2, 105–110.
11. *Fraenkel E.* 1925: [Rez.] *Franz Beckmann Zauberei und Recht in Roms Frühzeit. Ein Beitrag zur Geschichte und Interpretation des Zwölftafelrechtes // Gnomon.* 1, 185–200.
12. *van Gigh J.* 1852: *Bijdrage tot de Latiniteit der Decemvirale wetten // Mnemosyne.* I, 69–74.
13. *Gordon R.* 1999: *Imagining Greek and Roman Magic // Witchcraft and Magic in Europe. Ancient Greece and Rome / B. Ankarloo, S. Clark (eds.). Philadelphia,* 159–275.
14. *Graf F.* 2001: *Magic in the Ancient World / F. Philip (transl.). Cambr. (Mass.)–L.*
15. *Hendrickson G.L.* 1925: *Verbal Injury, Magic, or Erotic Comus? // CPh.* 20. 4, 289–308.
16. *Huvelin P.* 1901: *Les tablettes magiques et le droit Romain (Extrait des “Annales internationales d’histoire”).* P.
17. *Huvelin P.* 1903: *La notion de “l’injuria” dans le très ancien droit Romain (Extrait des “Annales de l’Université de Lyon”. Mélanges Ch. Appleton. Études d’histoire du droit).* Lyon.
18. *Kippenberg H.G.* 1997: *Magic in Roman Civil Discourse: Why Rituals Could Be Illegal // Envisioning Magic. A Princeton Seminar and Symposium / P. Schäfer, H.G. Kippenberg (eds.). Leiden,* 137–163.
19. *Lewis A.D.E., Crawford M.H.* 1996: *Twelve Tables // Roman Statutes / M.H. Crawford (ed.). Vol. 2. L.,* 555–721.
20. *Luck G.* 1999: *Witches and Sorcerers in Classical Literature // Witchcraft and Magic in Europe. Ancient Greece and Rome / B. Ankarloo, S. Clark (eds.). Philadelphia,* 89–158.
21. *Maschke R.* 1903: *Die Persönlichkeitsrechte des römischen Iniuriensystems: eine Vorstudie für das Recht des Bürgerlichen Gesetzbuchs.* Breslau.
22. *Momigliano A.* 1942: *Rev.: Freedom of Speech in the Roman Republic by Laura Robinson // JRS.* 32, 120–124.
23. *Mommsen Th.* 1899: *Römisches Strafrecht.* Lpz.
24. *Nowicka D.* 2013: *Zniesławienie w prawie rzymskim.* Wrocław. (e-Monografie: http://www.bibliotekacyfrowa.pl/Content/42812/Znieslawienie_w_prawie_rzymskim_28_10_2013.pdf).
25. *Pharr C.* 1932: *The Interdiction of Magic in Roman Law // TAPA.* 63, 269–295.
26. *Rives J.B.* 2002: *Magic in the XII Tables Revisited // CQ.* 52. 1, 270–290.
27. *Ronconi A.* 1964: *“Malum carmen” e “malus poeta” // Synteleia Vincenzo Arangio-Ruiz. Napoli.* II, 958–971.
28. *Strachan-Davidson J.L.* 1912: *Problems of the Roman Criminal Law. I.* Oxf.
29. *Tupet A.-M.* 1976: *La magie dans la poésie latine: Des origines à la fin du règne d’Auguste.* P.
30. *Versnel H.S.* 1999: *Κολάσαι τοὺς ἡμᾶς τοιοῦτους ἠδέως βλέποντες (“Punish those who rejoice in our misery”): on curse texts and “Schadenfreude” // The World of Ancient Magic / D. Jordan et al. (eds.). Bergen,* 125–162.
31. *Voigt M.* 1883: *Die XII Tafeln. Geschichte und System des Civil- und Criminal-Rechtes, wie Processes der XII Tafeln nebst deren Fragmenten. II: Das Civil- und Criminalrecht der XII Tafeln.* Lpz.
32. *Wieacker F.* 1956: *Zwölftafelprobleme // RIDA.* 3e série. 3, 459–491.

MAGIC IN THE XII TABLES

T. V. Kudryavtseva

The article focuses on two laws of the XII Tables, the so-called anti-magic laws of the VIII table. The author doubts some scholars’ conjecture about the presence of *venena* or *venenum* in the lost part of the text of the law concerning spoiling crops by means of incantation. The trial of Chresimus is discussed. As for the expression *malum carmen* (from the law about chanting an evil song) in Pliny and Cicero, the author agrees with the scholars who point out that the word *occentare* originally had to do with magical practices and that Cicero (or his source) misunderstood the meaning of the citation from the ancient law. However, the notion of *evil song* (as well as that of *curse*) in a wider sense could imply not only magical harm, but various kinds of abuse. That is why later on the law was reinterpreted as one about slander.

Keywords: Laws of the XII tables, ancient magic, incantation, potion (*venenum*), *malum carmen*, *occentare*.